ИМПЕРЕЦ

Освобождение

Освобождение

Жанр произведения: Детектив

Произведение написал автор BookBox Андрей Петренко

Ссылка на публикацию

Ночной Нью-Йорк прекрасен. Я убеждался в этом всякий раз, когда смотрел на город с лоджии своей квартиры на сорок втором этаже элитного жилого комплекса.

Здесь меня зовут Алекс Норд. На это имя водительское удостоверение, полученное в семнадцать лет. На это имя и медицинский страховой полис, методично оплачиваемый с момента моего рождения. Бред. Естественно, всё это было внесено в базу данных в течении пары часов, деньги были положены на счёт, оформленный древним задним числом, а водительское удостоверение получено по данным, внесённым в полицейскую базу, и заявлению об утере.

Хах… знали бы американцы, кто облюбовал их страну в качестве дома, пускай и временного. Вот было бы забавно пустить слух и посмотреть, как все службы города стояли бы на ушах из-за одного человека, который даже не планирует ничего экстраординарного.

Хм… странные мысли. Давно ли я стал таким? Пожалуй, что и давно. Прошло уже почти полтора десятка лет.

Алекс… Норд… успешный финансовый аналитик, чьи услуги стоят неимоверных денег. И ведь за услугами обращаются и корпорации, и даже правительство. А говорят, невозможно при создании «легенды» создать за краткое время успешную карьеру. Создал же. Правда, тут без удачи не обошлось. Повезло наткнуться на полуразорившуюся корпорацию, которая не могла себе позволить местных профи. Стоит ли говорить, что способности к аналитике у меня куда как выше, нежели у профессиональных экспертов по рынку? Просто, они – экономисты, а я – бывший сотрудник спец.служб. Да, я понимаю в этих рынках больше, чем те, кто их формирует. Если можешь предугадать очередной конфликт с точностью до получаса и понять, как и на что он повлияет, трудно ли понять какая прибыльная сфера внезапно рухнет, а какая дешевка вдруг станет приносить прибыль? Нет, не трудно. Вот и получилось, что за пару месяцев уже никого не интересовало прошлое талантливого аналитика. Тем более, что в этой профессии много людей, старающихся скрыть свою биографию. Кто-то в этом деле успешен, кто-то не очень, я идеален – у меня нет прошлого, если я сам не пожелаю его создать.

Нет прошлого?.. Хм… Алекс Норд?.. К чёрту! Меня зовут Мельников Игорь Валерьевич! Бывший старший сержант спецназа ГРУ. Бывший майор СВР. Хотя… Мельников Игорь Валерьевич героически погиб в Чечне в далёком двухтысячном году… Даже на могилке был. Обычная такая могилка за казённый счёт. Правда, ухоженная. Было жутко интересно, кому же я так небезразличен, ведь у дяди Саши времени не было за командировками, а больше близких и не было. Так и не выяснил – времени не было.

Да уж… Как говорится, «жизнь удалась»… Куча наград, из которых не засекречена только медаль «За отвагу», которую получил в девяносто девятом. Что ещё? Семьи нет, детей нет… насколько я знаю… Есть деньги, но в моём положении точно понимаешь смысл фразы «Не в деньгах счастье». Жизни тоже нет. Какая это, к дьяволу, жизнь? Шикарная квартира в элитном доме, в одном из лучших районов Большого Яблока, на поверку оказывается полноценной цитаделью. Двадцать три миллиона было потрачено. Не вопрос, что за год я заработал несколько больше. Просто, сам факт – это не квартира, а военная база под одного человека. Бронированные листы, тайники с оружием, экранированные от сканирования и иных способов поиска, открывающиеся только по контакту с моими отпечатками. К слову, расположены так, что бы я мог вооружиться, находясь в абсолютно любой точке квартиры. И это жизнь?

Когда приходится постоянно ожидать удара от такого же профессионала, как я сам, это не жизнь. Вот уж, верно говорили – «Меньше знаешь – крепче спишь». Плохо быть слишком умным… Ещё хуже узнать то, что знать не следовало. Политика… всюду политика и заговоры. И надо мне было перепроверить те документы, что я забрал из дипломата убитого чиновника в одной скучной и неприглядной латино-американской стране? Неизвестный подвиг, который и должен оставаться неизвестным, что бы Россия была в безопасности. Что и говорить, русский – он русский до мозга костей. Даже убегая от смерти, я очень хорошо позаботился о том, что бы эта политическая бомба никогда не смогла взорваться, ломая сложившийся строй возрождающейся страны. Но теперь время думать о себе.

***

День начинался скучно. Настолько скучно, насколько, это, вообще, было возможно. В офисе царила духота и секретарь каждые пять минут донимала звонками фирму по ремонту кондиционеров. Я готов был поклясться, что слышу скрип зубов оператора на том конце провода.

В кабинетах молодые аналитики штудировали ежедневное издание биржевых новостей, а самые ушлые пытались понять изменение биржи в режиме онлайн.

Я такой ерундой не занимался ни разу. Во-первых, потому, что это была бесполезная трата времени и усилий, призванная изобразить активную деятельность. Во-вторых, те из них, кто, действительно считал, что работает, очень крупно рисковали, давая советы своим клиентам, а я привык работать чисто. Уникальная репутация человека, который давал безошибочные прогнозы по бирже, мне нравилась и я её хранил бережно. Возможно, позже, когда я буду вынужден бежать из этого мегаполиса, скрываясь от своих бывших коллег, я разрушу эту репутацию, да, с такой помпой, что ни у кого не останется сомнений – Алекс Норд бежал как трус, скрываясь от судебных исков, в связи многомиллионными убытками своих клиентов… возможно…

Сейчас же меня гораздо больше интересовало развитие событий в Сирии. Судя по армейским сводкам и данным ушлых военных корреспондентов, следовало ожидать привета от Эмиратов на рынке нефти. Больше толковых прогнозов в это утро я сделать не мог, но… Ну, какой дурак будет советовать своим клиентам продавать акции нефтяных компаний? Да, упади они, хоть, на год в цене, а эти бумажки дорогого стоят.

Собственно, у меня самого было немного. Естественно, не на одну из моих биографий, а безымянные, на предъявителя, денежки с которых капали на такой же безымянный счёт в Австралии.

А как вы думали? Что бы находиться в бегах, надо быть не опороченным благородным рыцарем в сияющих доспехах, а весьма не бедным засранцем. Правда, и не совсем богатым. По крайней мере, не показывать своего богатства. Как ни крути, а внезапное появление из ниоткуда, хоть и маленького, но миллионера, привлечёт внимание. К сожаление, внимание это будет не только налоговых органов и местных политиков, жадных до спонсоров на выборах. А внимание мне абсолютно ни к чему.

Как вы думаете, почему, украв у конторы несколько миллиардов вечнозелёных рублей, я два года умудрялся жить впроголодь и, разве что, не бомжевать? Правильно. Потому, что деньги пахнут и пахнут сильно. Настолько сильно, что запах этих финансов легко мог долететь из Большого Яблока до «родной» конторы. Это сейчас я могу тратить весьма внушительные суммы, не вызывая никаких подозрений. Как ни крути, а Штаты, в финансовом плане, для меня наиболее безопасны – наша агентура в США не слишком заморачивается проверкой каждого «чистого» дельца, расслабившись за счёт зверств местных налоговых структур, мол, если местные не докопались, значит, всё чисто, а внимания стоят только подозреваемые в незаконных операциях, мол, «откуда денежки?». А вот дудки. Налоги то я плачу исправно. Ещё и благотворительностью страдаю, правда, не сильно крупной, что бы на всякие

торжественные вручения идиотских гигантских чеков не попадать, а то, камеры там, журналисты…

Говоря о чеках, что-то вспомнилось мне об исхудавшем бумажнике. Уж простите, «отечественная» привычка быть при наличных деньгах. Дома то есть и не мало, но там лежат бережно откладываемые мною мелкие купюры. Идея, кстати, не оригинальна. Как и мысль обосноваться в Нью-Йорке, её я подцепил в одном из романов Чингиза Абдуллаева «Третий вариант», кажется. Понравилась мне там мысль о том, что мир большой, а прятаться толком и негде. Ведь была дурная мысль обосноваться где-то в горной деревушке, к примеру, в Швейцарии. Ну, и долго бы я там прожил, не вызывая лишних вопросов у, скажем, местной полиции? Максимум, год. Вот и пришел я к выводу, что прав этот писака – если искать будут абсолютно везде, то какая, к чёрту, разница, где прятаться? Давайте прятаться с комфортом.

Но я опять отвлёкся. Если коротко, то у меня закончилась наличность, а это предвещало очередной неприятный поход в банк. Ну, не люблю я это дело. Секретаря не пошлёшь, поскольку она на работе и работает не лично на меня. Увы, я хоть и крутой аналитик, но ещё, даже, не младший партнёр в компании, а значит, личного помощника у меня нет. Вообще-то, это только моя вина, что я ещё не младший партнёр, а вернее, не вина, а жизненная необходимость. Компания крупная и каждый из партнёров даёт не менее одной пресс-конференции в месяц, а младшие партнёры отдуваются, едва ли, не еженедельно. А теперь представьте себе мою морду раз в неделю на экранах телевизоров. Да, я позаботился о своём досье и фотографиях перед уходом. Но это только о тех, что я знал. Короче говоря, я был немного не в курсе, есть ли у бывшего начальства мои снимки после пластической операции…

***

До обеденного перерыва было ещё далеко, но и в офисе мне торчать было без надобности. Благо, клиенты контактировали со мной только лично, договариваясь о встрече по сотовому. Один из больших плюсов серьёзной клиентуры. Один из больших минусов этой самой клиентуры был в самих клиентах. Как минимум, один из них был внедрённым агентом под прикрытием и это обстоятельство требовало держать ушки на макушке. Отказаться от такого клиента было нельзя – глупо, а значит, привлекает внимание. Благо, что служил этот парень на Родине, явно, задолго, до появления меня любимого в «конторе», а значит, знать обо мне не знает, что не отменяет возможности задания на прощупывание финансовых сфер. Да, и к дьяволу такие мысли. Прочь из моей головы!

Я удобно расположился под зонтиком уютного уличного кафе и не без удовольствия выпил холодный безалкогольный коктейль. Идти, определённо, никуда не хотелось, а надо было.

Сегодня я решил снять со счёта четыре тысячи. Сумма более чем внушительная, даже, для адвокатов, ну, а с моими тараканами в голове, где-то на неделю, может, на полторы.

В общем, проклиная жару, дресс-код, создателей галстуков и строгих костюмов, я направился в банк за углом и стал в очередь к окошкам касс, где простоял уже порядка десяти минут, а она, казалось бы, и не думала сокращаться.

Что можно сказать о банке? Банк как банк. Один из многочисленных, которые вы неоднократно видели в американских фильмах. Те самые, которые в этих самых фильмах любят грабить нью-йоркские грабители, обязательно в масках и с помповыми ружьями или пистолетами-пулемётами «Узи». Но это в фильмах… А у этих придурков были пистолеты. Два «Глока» четырнадцатой модели, «Кольт 1911», «Беретта» в полицейском варианте с револьверным типом ударника и старенький револьвер «Смит и Вессон».

Пока один из ворвавшихся орал о том, что бы все легли на пол, а двое других расстреливали камеры наблюдения, я просчитал семь сценариев, по которым их можно было уничтожить всех менее, чем за десять секунд. Но это майор Мельников мог их спокойно отправить к праотцам, не испачкав костюма, а финансовый аналитик Алекс Норд за всю свою жизнь не занимался ничем, кроме плавания (ну, должен же я был как-то объяснять мускулатуру? А плавание, как раз, объясняло неплохо развитые все группы мышц. Три занятия в неделю по часу вечером – отличное дополнение к легенде, а заодно и неплохая расслабушечка). Вот именно поэтому, финансовый аналитик Алекс Норд послушно уткнулся фейсом в пол, не строя из себя героя.

Я, кстати, забыл отметить, что ребята действовали, явно, с подготовкой и по чьей-то весьма хорошей наводке – выстрелы разбили не только те камеры, что можно было рассмотреть, но и скрытые веб-камеры, о которых надо было только знать. Надо было бы потом об этом рассказать полиции, но…

Задаваться вопросом, откуда в городе, где оружие запрещено законом, эти балбесы взяли пушки, было бы, как минимум, наивно. Вот, откуда я взял целый арсенал? Вот, оттуда и они взяли. Ну, вернее, принцип тот же. Своих то поставщиков я уничтожил на следующий день после сделки, стравив их с конкурирующей бандой и подсобив обеим сторонам минами-ловушками. А что, жалко, что ли? Двумя бандами меньше. Я не Робин из Локсли, но и добрые дела

мне не чужды.

Требования были более чем прозаичны – пустая спортивная сумка и команда кассиру её наполнить и не строить из себя героиню. Впрочем, судя по выражению лица барышни, строить из себя она сейчас могла только лишь фонтан… вертикальный… горячий… и пахнущий…

Я вёл в голове отсчёт. Да, ребята, просчитались вы. Не следили за временем. А минута сорок то ваши истекли – с улицы слышался вой полицейских сирен. Реакция была тоже предсказуема, но являла собой наихудший вариант развития событий – один из бандитов, с криком «Я же говорил не трогать кнопку» вскинул пистолет в направлении девушки-кассира. А вот этого я уже допустить не мог…

Подсечка… звучит выстрел… цель в этот момент уже потеряла равновесие и пуля прошла выше головы девушки за стойкой, разбив по пути витринное стекло кассы. Девушка получила пару лёгких порезов осколками стекла – ничего, жить будет. От шока и испуга, она упала на пол под стойку… Инициатива моя. Как только сбитая с ног цель касается спиной пола, бью каблуком ему в горло – жуткая смерть, но мне сейчас не до гуманизма. Смещаюсь на тридцать сантиметров и подбираю пистолет. Навскидку делаю два выстрела по второй партии целей – оба выстрела смертельны. Переворачиваюсь обратно на живот и стреляю уже более прицельно по тем троим, которые контролируют зал ближе к выходу. Всё это занимает семь секунд. Произведено девять выстрелов в помещении – один в сторону кассы, пять моих, два в полок падающим бандитом у самого выхода и один в моём направлении – плохо…

В зал врываются полицейские, нарушая все свои строгие инструкции. Видимо, даже этим автоматам в голубой форме не чужда человечность и неприятна мысль стрельбы по заложникам.

Пистолет я уже уронил на пол и строю из себя насмерть перепуганного героя в состоянии аффекта – этакий клерк, который абсолютно случайно сделал что-то значимое, но страшное. Дрожащим голосом прошу воды и не менее дрожащими руками шарю по карманам. Полицейский, пронявшись моим спектаклем, помогает достать из пачки сигарету, потому, что у меня «не получается» из-за «шокового состояния».

Спустя каких-то пять минут, на место пребывают детективы и репортёры…

***

Глядя на толпу репортёров, рвущихся внутрь, я понял, что полиция – мой единственный шанс не попасть на первую полосу всех газет города. Поэтому, я

без малейших возражений проследовал с детективом на второй этаж, по пути попросив полицейского офицера сохранить мою тайну личности, поскольку это моё законное право и я бы очень не хотел превращения моего и без того трудного дня в адскую неделю.

Детективы в американских фильмах бывают, как правило, двух типов. Это или грузные дядечки, поражающие своей тупостью и предвзятостью, или сногсшибательные брюнетки, поражающие своей объективностью и проницательностью. Мне же выпал третий тип – сногсшибательная, ярко выраженная шатенка славянской внешности, которая, как впоследствии выяснилось, была гораздо сообразительнее, чем я надеялся, но обо всём по порядку.

Следователь представилась детективом Борской, что уже дало мне некоторое представление о её биографии. Впрочем, первый ход я оставил за ней.

- Вы утверждаете, что Вас зовут Алекс Норд и работаете Вы в аналитической компании «Хаузен и партнёры» в двух кварталах отсюда? – начала стандартную раздражающую процедуру детектив.

- Да. Я именно это и утверждаю, – я начал разыгрывать из себя нервную жертву вооруженного ограбления, подбирая соответствующую интонацию и скорость речи.

- И Вы заявляете, что не понимаете, что на Вас нашло, а действия, совершенные Вами для защиты были следствием сильнейшего шока? – продолжила барышня.

Вот, чёрт… к чему этот вопрос? Стандартная схема допроса свидетеля выглядит иначе. О таком не принято спрашивать людей, переживших шок, по крайней мере, пару дней после событий. Где я прокололся?

- Вам самой не кажется это очевидным?.. – я стал строить из себя клерка на грани истерики от совершенного.

Обычно, полицию такая психологическая атака сбивает с намеченного пути, поскольку перед ними сидит человек, которого не то, что не посадишь, а и обвинить не в чем, и выходит, что ему ставят в вину его поступок. Обычно, это помогает… обычно…

- Прекратите ломать комедию. – абсолютно спокойно выдала девушка. – Я переговорила с офицерами, которые первыми прибыли на место преступления. Они утверждают, что прозвучало семь или восемь выстрелов. Менее чем за десять секунд прозвучало восемь выстрелов. Что Вы можете на это сказать?

Почти попался, но пока ещё не вляпался. Моя версия, конечно, шатается, как карточный домик на ветру, но порыв его ещё не разметал.

- Я скажу, что в помещении было пять вооруженных пистолетами лиц. Думаете, я считал, кто из них сколько раз выстрелил?

Ох, не нравится мне её взгляд. Ох, не нравится. Вот он и ветерок.

- Я, кажется, попросила Вас прекратить ломать комедию. Не будьте сексистом. Если следователь – женщина, это ещё не обозначает, что она – дура. Более половины этих выстрелов сделали Вы и завтра это официально подтвердит баллистическая экспертиза…

- Вот, завтра и поговорим… - буркнул я, понимая, что парировать мне нечем.

Барышня примиряюще улыбнулась и лёгким жестом помешала мне встать.

- Не будьте столь вспыльчивы. В качестве официальной версии меня более чем устраивает Ваша интерпретация произошедшего. Тем более, что камеры разбиты, свидетели не могут рассказать ничего, кроме пола перед своими лицами, а единственный свидетель, который пытался что-то рассмотреть, не мог Вас видеть из-за колоны, – внезапно раскрыла все карты детектив.

И эта внезапность мне более чем не понравилась. Я бы сказал больше, мои инстинкты взвыли. Я собрался внутренне, внешне стараясь не подавать признаков готовности к бою, но ошибся я и тут.

- И не надо на меня нападать. – улыбнулась девушка. – Я догадываюсь, что шансов у меня нет, но ведь и врагом я становиться не планирую. Прошу понять и извинить мне моё излишнее любопытство, но это, практически, личное.

И тут я, наконец-то, вспомнил, откуда мне знакома её фамилия и лицо, вернее, не её… Капитан третьего ранга Борский. Морская пехота. Тихоокеанский флот. Служил. Отмечен. Воевал на Северном Кавказе… Встречались?.. Нет, воевал раньше, до меня… Встречались?.. Точно. Дома у дяди Саши. Дядя Саша – полковник Александр Вознесенский. Тогда ещё майор. Сослуживец моего покойного отца. Вот у него дома я и видел этого морпеха. Кстати, одного из лучших офицеров ДШБ морской пехоты.

- Любопытство? Что ж, черта интернациональная, даже, когда Ваш отец украинец, Ваша мать русская, родились Вы в СССР. В США переехали более десяти лет назад, скорее всего, лет шестнадцать-семнадцать назад. Наверняка, владеете техникой рукопашного боя, неплохо стреляете, претендовали на место в армейской разведке, но Вам было отказано. Из-за происхождения? Скорее

всего. А так же, из-за половой принадлежности. Уж, извините, «зелёные береты» не жалуют в своих рядах барышень. Не желая отказываться от специальности, Вы выбрали полицию. Начали патрульным офицером, дослужились до детектива, теперь хотите получить сержантский жетон, а там, глядишь, и лейтенантом рискнёте стать. Вот только, столь плотный интерес к моей персоне не вписывается в общую картину, – принял я игру и перешел в нападение.

Детектив Борская смотрела на меня несколько секунд, после чего вспыхнула гневом.

- Откуда Вы это узнали?! – глаза у девушки горели огнём, видимо, зацепил за живое. – Кто Вы? ЦРУ, ФБР, АНБ?!

Всё обернулось отлично. Теперь было более, чем достаточно напустить на свою персону «тумана», а остальное за меня любезно доделает её разыгравшаяся фантазия.

- Вы же сами сказали, что я аналитик. Вот и анализирую. И если не отвлекаться от темы, не лезьте Вы в это дело. Пожалуйста. Нехорошо выйдет портить работу смежным ведомствам, – я использовал приём с доверительным и одновременно снисходительным заглядыванием в глаза. – Я, просто, аналитик. Правда.

Девушка напряженно сопела, сдерживая в себе вулкан из гнева и обиды, но один всплеск, таки, вырвался.

- Вы не аналитик. Вы – боевик. И можете ничего не говорить – это факт.

Видимо, выражение лица у меня на мгновение вышло из-под контроля от такого плевка в рыло, поскольку детектив сочла нужным пояснить.

- Мой отец был военным. Одним из лучших в своём деле. И даже для него произвести четыре выстрела в двух различных направлениях, менее чем за десять секунд, затратив по одной пуле… было бы… сложно, пожалуй.

Что ж, откровенность за откровенность. Тем более, она искренне уверовала в собственную версию о злобном агенте сентрал интэлидженс эдженси.

- Пять выстрелов, детектив. Пять выстрелов и пять секунд. При развороте в другую плоскость стрельбы, я смазал один выстрел. Пуля в дверном косяке – правый верхний угол.

Она посмотрела на меня взглядом победителя.

- Спасибо, хоть сейчас не соврали. И да, журналисты ничего не узнают о Вашей личности.

Я мысленно посмеялся. А с чего бы мне было тебе врать, девочка? Ты сама себя неплохо обманула, но да, за журналистов спасибо, а о записи с камер, где я стою в очереди, позабочусь сам.

***

Естественно, в тот день я остался без налички. Было бы полным безумием стирать записи с камер, что бы тут же оставить своё имя в банковской системе. С полицией всё проще – никто не хочет загреметь на восемь лет по обвинению в разглашении тайны следствия, поэтому, копы будут хранить мои данные подальше от журналистов. Зато, какой-нибудь банковский клерк, может рассказать всё и плакала тогда моя вольготная жизнь.

В общем, я вернулся в офис несолоно хлебавши и в кабинете пересчитал наличку. Осталось две сотни. Значит, завтра придётся заехать в другой банк и там снять деньги. Я понадеялся, что хоть в этот раз обойдётся без грабителей и усмехнулся.

В остальном, день прошел более чем скучно. Не было даже самого скромного звонка от клиентов, а мне им звонить было толком и не с чем. После обеда, наконец-то, приехали ремонтники и привели в порядок проклятую систему кондиционирования. Буквально через полчаса после этого события, секретарь уже порхала по всему офису как бабочка и радовалась жизни. Как, иной раз, мало надо людям для счастья.

Когда рабочий день закончился, я вышел из офиса и отправился на стоянку. Что-что, а машина у меня была, не в пример остальной жизни, более чем приметная – «американская мощь» Додж Челленджер с двигателем в шесть целых восемь десятых литра и с табуном в семьсот девяносто лошадок под капотом. Уж извините, всегда хотел себе что-то подобное. Двигатель взревел и тут же замурчал, как котёнок. Вот за это я и люблю масл-кары. Дождавшись, когда урчание станет совсем тихим, я включил кондиционер и магнитолу. Салон наполнился ласкающими слух звуками оперы Рихарда Вагнера. Что бы мне ни говорили, а немецкая опера, лично для меня, была, есть и всегда будет приятнее итальянской и, тем более, русской. Ну, вот, режет мне мой музыкальный слух отечественная опера.

Дома я переоделся в лёгкий летний льняной костюм, чем-то покроем смахивающий на костюм гольфиста, и заглянул в холодильник. Однако, здравствуйте. В холодильнике была бутылка вина, упаковка пива и мышь,

завершившая свой земной путь суицидом, путём механической асфиксии. Надо было идти в магазин.

Продукты с доставкой на дом я не заказывал из принципа. Во-первых, привезут средней паршивости гадость и залежавшийся товар, во-вторых, не люблю я гостей. Выйдя с такими мыслями из дома и спускаясь на лифте, я решил перекусить в круглосуточном кафетерии неподалёку от магазина. Естественно, встретят меня там не слишком дружелюбно, поскольку и магазин, и кафетерий, хоть и находились в двух кварталах, но это уже были рабочие кварталы, где сильно не любили «небожителей», как окрестили местные жителей нашего высотного комплекса. Плевать. Пить я ни с кем из них не собираюсь, а хозяева заведения так только рады, что кто-то решил спустить у них лишнюю сотню баксов.

Чем мне нравятся американские магазины, так это их бумажными пакетиками, куда тебе бережно уложат все твои покупки. В моём пакетике лежали: десяток яиц, килограмм картофеля, упаковка сосисок, упаковка булочек, французский батон (так и не удосужился узнать, как он здесь называется. Спасает то, что этого не знает более восьмидесяти процентов населения), макароны, кетчуп, маленькая головка капусты, три огурца и подсолнечное масло. Вот такой скромный набор холостяка, позволяющий не помереть с голоду и не ударить в грязь лицом, если кто-то пожалует в мою берлогу. Я же уже говорил, что всякий гость в моём доме нежеланный? А вот гостья – это дело другое. Я же целибат то не принимал на свою головушку буйную.

Поставив свой пакет на один из стульев рядом со столиком, я уселся поудобнее и принялся изучать меню. Покушать, отчего-то, хотелось плотно, а это намекало на картофель, отбивную, яичницу из трёх яиц с бифштексом, ну, и кофе, что бы что-то кинуть в желудок, пока готовят мой заказ.

Кофе мне принесли через две минуты, заботливо поставив рядом с чашкой пепельницу и положив спички. Заверив, что моя трапеза будет готова уже через пятнадцать минут, жена хозяина кафетерия – дама, не то, что бы грузная, но и не маленькая - выполняющая здесь функции и главного бухгалтера, и официантки, и погонщика для хозяина-шеф-повара, удалилась на кухню, впрочем, тут же вернувшись за барную стойку, где опрокидывала очередной стаканчик местная пьянчужка. Это было мне не интересно.

Боковым зрением я увидел вошедшего посетителя. Молодая женщина. Не вооружена. Опасности не представляет. Направилась за столик через два от моего, села спиной. На этом мой интерес остыл и к ней.

А вот пьянчужка у стойки разошлась не на шутку. Хозяйка отказывалась ей наливать в долг, которого у неё накопилась, как я понял, изрядно. В общем, это создание направилось в поисках спонсора бродить по миру и добрело до моего столика. Я смерил её довольно тяжелым испытывающим взглядом, который и матёрых бойцов, вдвое больше меня габаритами, заставлял ретироваться, но это был не тот случай – полная прострация под воздействием алкоголя.

- Чего вылупился? Лучше выпить мне купи, – затянуло обычную для таких сцен песенку создание. – Ну, тебе, что, жалко? Жалко, да?!

Хозяйка заведения выскочила из-за барной стойки, желая избавить меня от столь докучающего общества, заодно поглядывая, не присмотрела ли пришедшая барышня что-нибудь себе в меню.

- Пошла прочь отсюда, пьяница. – выталкивает её взашей хозяйка, но уже довольно поздно.

Возмутившись полным игнорированием своей персоны, пьянчужка смахивает со стола чашечку с дымящимся кофе прямо мне на брюки. Не столько больно, сколько неожиданно… и больно.

- Ёб, твою… - выдаю я на автомате и осекаюсь.

Не верьте фильмам, где матёрые тренированные разведчики, во время допросов или максимальных нервных стрессов, даже инстинктивно, матерятся на языке своего персонажа по легенде. Чушня. Русский мат – явление, даже не культурное, а подсознательное.

В общем, осёкся я поздно. Подняв голову, я взглядом встретился с крайне заинтересованными глазками той самой молодой особы, которая зашла в кафе поужинать и которую звали детектив Борская…

- ЦРУ, значит? – поинтересовалась она тоном, которым детей уличают во лжи.

- А я этого и не утверждал. – откровенно съехидничал я.

Всё было плохо от слова «очень». Трогать девчонку было нельзя – слишком очевидна взаимосвязь, да, ещё и полицейский. Навешать новой лапши на уши не выйдет – дважды за день такой фокус проходит только с клиническими идиотами. Придётся договариваться.

- Я присяду? – скорее, приличия ради, спросила она, усаживаясь за мой столик.

- Располагайтесь, – так же, ради приличия ответил я. – Полагаю, Вы тоже решили сегодня не готовить? Выбрали уже что-нибудь?

- Повторите заказ молодого человека. – обратилась детектив к хозяйке кафетерия. – Он платит.

Я лишь кивнул в знак согласия, давая хозяйке понять, что нелепости не случиться. И от всей души оценил это милую беспардонную наглость.

- Если я не получу внятных ответов, то, хотя бы, получу ужин. – улыбнулась детектив. – Меня зовут Джин.

- Евгения… - протянул я задумчиво. – А меня И…

Я оборвался буквально на долю секунды, но она заметила. Это было глупо. Очень глупо. Она же и так знала как меня зовут. Ну, вот, какого хрена я полез представляться?!!

- … представлять не надо, – попытался выкрутиться я.

Тщетно. У неё на лице всё читалось лучше, чем на рекламном дирижабле над футбольным полем. Это был прокол. Серьёзнейший прокол за последние годы.

- Ну, что же, мистер Алекс Норд, - снова прозвучал этот тон для детей. – Вот и познакомились. Вы так и не ответили, откуда всё обо мне узнали?

Ладно, тему она продолжать пока не хочет – уже хлеб и даже с маслом.

- Вот тут я сказал чистую правду. Я аналитик, – и тут мне комедию, действительно, ломать надоело, тем более, что это давно уже была трагедия. – Но кое-что я знал гораздо раньше. Не спрашивайте откуда.

- Хорошо, не буду, – на удивление легко согласилась она, а спросила несколько иное. – А насколько хорошо Вы меня знаете?

Я задумался, отвечать ей или нет. В конце концов, разубеждать её, что я русский было настолько же бесперспективным занятием, как и в одно лицо штурмовать Белый Дом. Хотя, сравнение не корректное – при штурме Белого Дома у меня шансы были весьма и весьма неплохие, а тут их не было.

- Практически все существенные моменты биографии, касательно России. Я знаю, что ты до шестого класса жила во Владивостоке, откуда уехала жить в Штаты через два месяца после смерти матери. Твой отец не захотел мириться с мыслью о том, что её нельзя было спасти и, возможно, до сих пор винит во всём хирургов. Зря. Рак есть рак – сносит даже сильнейших.

Она слушала спокойно, воспринимая незнакомца, который раскладывает её жизнь по полочкам, как нечто должное.

- А о «зелёных беретах»? Следил?

Шутила. Это добрый знак.

- Догадался. Твой отец – легенда ДШБ. Безумный берет. Других близких людей у тебя не осталось. Наверняка, хотела быть на него похожа, что бы он тобой гордился.

Я опять что-то сказал не то. Что-то лишнее. Что-то, что дало ей хорошую такую подсказку.

Нам принесли заказ и Джин вздохнула, оценивая, как она с этим будет справляться. Впрочем, ничего. Справилась не хуже меня, что намекало на отсутствие завтрака сегодня у доблестного детектива, а, учитывая то, когда произошло наше знакомство, то и обеда. В этом мы сегодня были похожи.

***

Проснувшись, я обнаружил Джин курящей возле открытого окна. В шелковой простыне на голое тело она смотрелась шикарно.

- Засранец ты, Игорь… - выдала она меланхолично.

Я подскочил с постели, как кипятком ошпаренный, и уставился на неё непонимающим взглядом. Ей богу, лучше бы она в меня пару раз из пистолета выстрелила. По крайней мере, к такому утру, после бурной ночи, я уже привык, но назвать меня по имени, которое я сам плохо помню…

- Засранец, засранец… – она сделала затяжку, тоскливо глядя в окно. - И наверняка, гадаешь, кто меня подослал с полными данными о тебе.

Вот, только истерики от сообразительной любовницы мне и не хватало. Я подошел к Джин и обнял её за плечи. Сопротивляться она не стала – уже не так печально. Став рядом, я тоже закурил, заметив, что моя пачка полегчала на шесть сигарет. Это за два то часа – нервничала девочка.

- Честно говоря, не гадаю. – спокойно ответил я на её подозрение. – Ты, просто, сообразительный полицейский детектив, а я, видимо, ляпнул лишнего.

Она ухмыльнулась, хмыкнула и слегка рассмеялась. Ну, точно, на истерику срывается. Ладно. Зима – не лето, переживём и это.

- Ты и честность – понятия не совместимые. Отец когда узнал о твоей смерти, пил два дня, – она была зла, и кажется, заслуженно. – Герой Чечни, блин!

Последняя фраза была сказана по-русски. Совсем срывается. Я тоже перешел на русский язык.

- А вот этого не надо, пожалуйста. Герой, не герой, а своё я там честно служил и то, что получил – заработал тоже честно, – всё таки, Женя задела меня за живое.

- Может быть, - опустила она глаза. – Но ты не подумал о тех, кому ты не безразличен.

Тут она была права. Правда, с поправкой на то, что близким я считал только дядю Сашу, а с её отцом и виделся то всего пару раз – один раз в детстве, когда папа был жив, а второй раз подростком, у дяди Саши… Стоп… а насколько хорошо они с отцом друг друга знали? Ладно… сейчас неудачный момент спрашивать.

- Ты как поняла кто я?.. – всё же, я рискнул вызвать гнев.

- По либидо, блин, – фыркнула Джин, но потом смилостивилась. – Безумным беретом папу называли только дядя Саша и твой отец. Учитывая возраст, и… дядя Саша писал, что ты был ранен осколком под Грозным…

Она провела пальцем по моему шраму. Вот так «здрасти». Вот это называется «особая примета», ещё и сам продемонстрировал. Да, ладно уж. Тем более, как-то уж само вышло, ну, вернее, незаметно дружеская беседа переросла в продолжение ужина, ибо, действительно, не ели ничего весь день, там же в ход пошла бутылка вина из холодильника, а там беседа с кухни как-то плавно перетекла в кресла, оттуда на диван, а оттуда в спальню. Короче, я сам не понял, как так получилось. И, похоже, лучше не задумываться. Отдал инициативу женщине – помалкивай и разгребай последствия.

- Странно, что ты до сих пор не лейтенант…

- Предлагаешь мне спать с каждым подозреваемым? – засмеялась Джин.

Это я получается подозреваемый? Прелестно.

- И кто из нас засранец? – намекнул я на ход своих мыслей.

Она сделала невинную мордашку и довольно неожиданно прижалась ко мне, обнимая.

- Не обижайся. Просто, понравился, а тут ещё и после работы попался.

Мда уж… Лучше бы подозревала. Не раскрутись ситуация так, как сейчас, я бы и предпочёл, что бы она уже через час-другой потеряла ко мне интерес и позабыла адрес, а сейчас надо было её держать в зоне досягаемости с такими то знаниями.

Кстати, всегда восхищался женской интуицией. Куда там аналитическим управлениям? Вот, как она поняла, что меня не устроило в её последней фразе? Тут, точно, без проколов – не было ни одного признака, я следил.

- Даже не думай, что развлеклась и будет. Заедешь за мной после работы.

- Сначала, я тебя на эту работу отвезу, – ухмыльнулся я.

А вот такой поворот был чем-то абсолютно новеньким в моей биографии. Обычно, отношения с женщинами были или деловые, или на одну ночь, а тут…

***

Прошло уже три месяца с дня ограбления. Скажем так, в моей жизни эти три месяца были «эпохой великих перемен» из того самого древнего китайского проклятия. Самым простым, к чему я привык сразу, стала появившаяся необходимость утром ехать сначала на одну работу, а потом уже на свою, а вечером, опять таки, к полицейскому участку, а потом вдвоём домой. Ну, это, если повезёт. А так, полиция, аврал, засиживание до утра.

Сколько раз я уже говорил Джин, что бы делилась своими служебными вопросами – моей квалификации хватило бы чуть более, чем полностью, что бы раскрыть половину её рутины за один вечер, при должным образом собранных вещественных доказательствах с места преступления. Как же, как же… Гордая. Сама всё раскроет. А мне оставалось скромно проснуться ночью от звука открывающегося замка, поставить кофе и повесить её куртку.

На все вопросы о работе она отвечала так же, как я отвечал о своей работе после «гибели» в Чечне. Короче, не говорила она ничего о своих расследованиях. Ещё и злилась, вдобавок, что намекало на несколько нераскрытых дел.

Вторым моим шоком от совместной жизни стал маленький бытовой факт – если ты живёшь не один, привыкай к тому, что можно не найти вещь там, где оставил. Как же это раздражало. Вы себе, даже не представляете, как же это раздражало… и продолжает раздражать. А ещё мне втык прилетел, когда Джин выяснила, что квартира, просто, напичкана оружием. Давненько на меня не орали. Ну, как орали? У меня в квартире стоит дорогостоящая современная звукоизоляция. Такую ставят в комнатах для «допросов» в ЦРУ, что бы не

смущать аналитиков предсмертными криками тех или иных лиц, когда нет возможности сделать такое в отдалении от полугражданского персонала. Так вот, соседи снизу слышали о том, что я идиот… Эх, с таким то голосом Джинни в опере выступать. Правда, когда я ей это предложил, в меня полетел мой же «Люгер» калибра девять на девятнадцать миллиметров. А после этого была долгая обстоятельная лекция о том, что это Нью-Йорк и оружие здесь незаконно. Правда, после окончания нравоучений, лекцию читал уже я, не вдаваясь в подробности и детали причин. Когда я закончил, тема оружия была нами исчерпана раз и навсегда, а Джин ещё три дня присматривалась, буквально, к каждому прохожему на улице, после чего я получил по ушам за то, что «довёл её до паранои и шизофрении». Правда, этот конфликт удалось свести в плоскость шутки фразой о том, что я всегда умел вскружить голову дамам.

А ещё было тяжело достучаться до разума влюблённой девушки, что бы она меня на публике называла только Алекс. Первые две недели Джин несколько раз прокололась и при посторонних назвала меня настоящим именем. Пришлось объяснять, что рано или поздно это приведёт к тому, что мне придётся устранять всех свидетелей, кто это слышал – подействовало.

А сегодня вечером предстоял очередной виток пренеприятнейшего разговора. В принципе, я уже стал привыкать к тому, что меня могут «пилить» в рамках «нормальных» отношений, в понимании Джинни, но тут был другой случай – неправ был, как раз, я. Зная это, Джин давила на меня, как гидравлический пресс. Видимо, сегодня предстояло пояснить ей, что существует лишь две альтернативы и ни разу не больше. В конце концов, она, если и не знала, с кем связалась, то весьма недурно догадывалась.

Вечером она опять задержалась на работе, правда, лишь на пару часов. За это время я, как раз, успел приготовить ужин и накрыть на стол. Спустившись вниз, я расплатился с таксистом, у которого в голове, явно стали на место все ответы на вопрос «С каких пор нью-йорские полицейские ездят на такси с их зарплатой?».

Поужинав, мы сидели в креслах в зале и пили охлаждённое десертное вино. Я расспрашивал о делах на работе, прекрасно зная, что именно ответит Джин и поджидая, когда она заведёт пластинку.

- Отец уже требует показать ему моего молодого человека, с которым мы, к тому же, ещё и съехались, – наконец начала она.

Я мысленно сосчитал до десяти и начал свою часть диалога по накатанному сценарию.

- Хорошо. Съездим на выходных.

- Ты знаешь, о чём я, Игорь. Или при отце тоже прикажешь называть тебя Алекс? – Джин с вызовом посмотрела мне в глаза.

Я же в ответ глаза закатил, намекая на то, что этот разговор меня немного успел утомить за неделю.

- Настойчиво попрошу. Никто не должен знать, что Игорь Мельников жив. Даже твой отец.

- Это будет важно для него… - продолжала настаивать Джинни.

- Думаю, за полтора десятка лет он из забыл, что у его армейского друга был сын. А если и не забыл, то для него же лучше, что бы я оставался «мёртвым», – я вздохнул. – Ты отказываешься понимать элементарные вещи.

- Объясни. Вот, попытайся объяснить, почему отец не может узнать, что у паренька, которого он когда-то считал за сына, всё хорошо. Что он жив и здоров, – снова пошла в атаку Джин.

- Это ты к слову или на инцест намекаешь? – спокойно поинтересовался я, хотя сам готов был смеяться долго и громко. – А если серьёзно, то с твоим отцом мы виделись за мою жизнь дважды, поэтому за сына он меня точно не держал. Так же хочу заметить, что в отношении меня понятия «жив и здоров» могут оказаться очень даже временными. К тому же, существует куча других факторов.

Она поставила бокал на журнальный столик и наклонилась ко мне со знакомым, крайне нехорошим, выражением лица.

- Или ты объясняешь мне все эти факторы, или я рассказываю отцу, с кем я живу.

Ну, кто бы сомневался? Коп есть коп – шантаж для неё более чем привычен. Ладно. О том, что она решила шантажировать меня, поговорим позже. Сейчас я, всё же, планировал объясниться.

- Ты хочешь, что бы я открылся твоему отцу? О чём нам с ним поболтать за бутылочкой «Московской»? О моей медали «За отвагу»? А может, мне ещё рассказать ему как, где и за что я получил звезду Героя России? – в наступление пошел уже я.

У Джинни округлились глаза.

- Ты – герой России?..

- Спорное утверждение, но такая награда у меня есть… И честно говоря, мне неприятно вспоминать, за что она получена. Запомни, такие как я, за хорошие дела награды не получали и не получают. Зато, получают мишень на лбу, стоит им отойти в сторону от приказов. Я отошел.

Джинни переваривала сказанное. И, похоже, она наконец-то стала в полной мере осознавать, во что со мной вляпалась.

- Ты хочешь сказать, что ты теперь мишень для своих бывших товарищей?

- Коллег. Какие они мне товарищи, если я никого из них не знаю? И, слава Богу, они не знают меня. Но могут вычислить, если не быть осторожным.

Джин напряглась, не решаясь задать основной вопрос, как мне казалось.

- И… и что будет, если они тебя найдут?

Теперь тяжело говорить было мне.

- Ничего хорошего, – я вздохнул. – Зависит от квалификации нашедшего. Если это кто-то уровнем ниже меня, то он погорит на слежке, я его убью, и мне придётся исчезнуть. Тебе тоже придётся исчезнуть – сменить страну проживания, жить под выдуманным именем и навсегда забыть всех, кто когда-либо что-либо для тебя значил, иначе…

- Что «иначе»? – спросила она, предполагая ответ.

- Иначе, придёт кто-то более опытный, кто-то, кто не допускает ошибок. Он, сначала, убьёт всех, кто тебе дорог, а потом, когда ты будешь или сломлена, или будешь обозлена до предела и станешь совершать ошибки, убьёт и тебя. То же касается и меня. Нет у меня права на ошибку. Особенно теперь.

Она понимающе кивнула. Джин, просто, приняла тот факт, что она в опасности.

Внезапно, её глаза блеснули знакомым огоньком. Молодец, девочка. Она поняла ещё одну истину – я буду защищать её, чего бы это ни стоило.

- Пойми, я прошу тебя врать отцу не просто так… - додавил я свою партию.

Джинни молчала ещё секунд сорок, хотя, показалось, что больше часа. Чёрт, как же это неприятно, снова привыкать к эмоциям. Особенно, к чувству вины.

- И ты так живёшь уже семь лет?.. – проговорила она тихо.

Я чуть с кресла не упал. А совестно то как стало. Значит, пока я ей это всё рассказывал, просто, в порядке информации, почему она должна переступить через себя и лгать дорогому человеку… Дьявол… Эта девочка сидела и обдумывала мысль, с которой я смирился ещё когда прочёл первый лист документов. И ей больно, а я… А я – баран бесчувственный.

Джин не стала дожидаться ответа, а, просто, подошла, села ко мне на колени и обняла. В этот вечер мы больше не обмолвились и словом, а на утро проснулись всё в том же кресле. Кстати, ноги у меня порядочно затекли.

***

Месяц назад мы с Джин весьма успешно съездили к Виктору Сергеевичу. Правда, она меня потом допрашивала как вышло, что он ничего не заподозрил, учитывая, что гостили мы два дня, а с Виктором за это время мы выдули три бутылки на двоих. Пришлось рассказывать о пластической операции, а после этого ещё и копаться в своих архивах для демонстрации одной из армейских фотографий. После послушал немного сокрушенных вздохов о том, что выглядел лучше, на что фыркнул в стиле «Не нравится – не ешь». Над этой шуточкой Джинни смеялась долго и, по обыкновению, обзывала обидчивым злюкой.

Не то, что бы я был, действительно, обидчивым, но иной раз за живое она зацепить умела, абсолютно этого не желая. Объяснять, что я до сих пор плохо воспринимаю это лицо, я не стал – не к чему ей ещё и за это переживать.

А вот последнюю неделю Женя ходила сама не своя, мягко выражаясь, в бешенстве. Её отстранили от работы до окончания служебного расследования. Во время задержания, она довольно внятно избила вооруженного задержанного, буквально, на ходу сделав из него инвалида, а когда другой детектив отдёрнул её, то, чисто инстинктивно, она сломала напарнику руку. Мой косяк – переучил. И это ещё счастье, что это была ситуация, когда она применяла рукопашный бой, а не огнестрельное оружие – тут я тоже наставничал последние два месяца, доводя её стрельбу до автоматизма, из любого положения, в любой ситуации, в любую точку тела, но, как правило, на уничтожение.

В общем, каялся я сильно, а каждая моя попытка исправить собственную ошибку и обучить её техникам самоконтроля для отстранённой мгновенной и всесторонней оценки ситуации заканчивалась скандалом и хорошей порцией мата.

Увы, работа значила для неё очень многое, а я был виновен в произошедшем наравне с ней. Так или иначе, надо было решать вопрос и я решил попробовать зайти с другой стороны.

- Джи-и-и-и-н… - позвал я её в зал.

- Я не в настроении. – буркнула Джинни из спальни.

Уже прогресс – меня не послали в пешее эротическое путешествие.

- Джин, а выйти тебе придётся. Иначе, я тебя, просто, не выпущу на работу, когда тебе разрешат вернуться к исполнению…

О, боги. Я через стенку почувствовал её агрессивную ауру. Если кто не знает, есть в японской мифологии, а на самом деле в практике мастеров боя такое понятие «аура жажды смерти». Сводится это понятие к тому, что мастер меча… ещё из той эпохи, когда использовали настоящие клинки для их настоящей цели… будучи сам убийцей, на расстоянии мог ощутить направленное на него желание убить от врага, затаившегося в засаде. Поверьте, это ощущение есть и оно не раз спасало мне шкуру, но для этого требуется, как правило, более-менее открытое пространство. По крайней мере, это был первый раз, когда я почувствовал этот дьявольский холод через две стены.

Но результат был достигнут – Джин выскочила в зал как вихрь, даже запыхавшись от гнева.

- А теперь слушай сюда! – решила разить она словом, поскольку всё оружие было в тайниках, закодированных на мои отпечатки, а служебное она сдала.

- Не а… - нагло перебил я. – Это ты сюда слушай. Да, я виноват в том, что не подумал о всестороннем обучении. Тем не менее, раз уж это всплыло и хорошо, что в столь мягкой форме, придётся позаботиться о твоём самоконтроле.

- Мягкой? – судя по тону, Женя немного успокоилась. – Мой напарник в гипсе будет ещё два месяца, а потом неизвестно, позволят ли ему врачи вернуться. А он хороший коп.

Всё ещё самоедством занимается. Мне пришлось преодолевать и это.

- Верю. Он хороший коп и хороший друг. И он не просто так послал, куда подальше, следователей из управления собственной безопасности. Наверное, не для того, что бы ты неделю торчала безвыходно дома и грызла себя за то, что изменить уже не в силах, – надавил я на больное. – Завтра заедем к нему в больницу, а послезавтра начнём твои тренировки. Это не обсуждается.

Джинни сопела, но не возражала. Она была девочкой, хоть и буйной, но смышлёной. И иной раз готова была меня убить за мои навыки манипулировать её эмоциями, наивно полагая, что мне это даётся легко. Да, щаз-з-з-з. Было бы

это так легко, у нас бы ни одного конфликта не возникло. Кстати, это была одна из главных черт, которая меня в ней привлекала – ею было абсолютно невозможно управлять и манипулировать.

Следующий день мы провели в магазине, подбирая паёк и презенты травмированному напарнику Джин, ну, и собственно, в больнице.

Говоря о напарнике Джинни, сразу хотел бы отметить его далеко не маленькие габариты. На койке, с рукой, закованной в гипс, лежал здоровенный короткостриженый блондин с норманнскими чертами лица. А когда я разглядел, под больничной ночнушкой, на его правом плече цветастую татуировку, обозначающую принадлежность к рэйнджерам, мне и вовсе поплохело от осознания того, во что я едва не превратил Джин. Поломать рэйнджера – это вам не гопников по подворотням пинать. Подготовка, конечно, хромает, в сравнении с русскими контрактниками спецуры, но подготовка, всё равно, очень и очень серьёзная.

А ещё и без эксцессов не обошлось. Как говорится, рыбак рыбака…

- А Вы, значит, бойфренд этой маньячки? – улыбаясь, выдал коп, показывая Джин, что не злится на неё. – Неплохо её натаскали. Какие войска?

Ну, опять врать… Надоело. Сказать ему, что ли, какие войска и посмотреть на реакцию? Нафик такие мысли… Фу-фу-фу… Он мне не сделал ничего плохого. Джинни не простит! Да, и вообще, о чём это я? Так… что я там себе напридумывал в биографии? Спортом не занимался. Где я там детство провёл? В Нью-Орлеане. В одном из рабочих кварталов – там часто меняются жители в последние десятилетия, вот и подошло. Ок, будем сочинять на ходу.

- Да, ни в каких. В детстве по соседству жил мистер Вудсон – ветеран Вьетнама. Вот он и научил драться после того, как ему надоело каждый день видеть мою побитую после школы физиономию.

Детектив вздохнул, выказывая разочарование.

- С таким талантом к обучению, Вам бы цены в нашем батальоне не было.

Я лишь развёл руками.

- Хотел записаться – медкомиссия зарубила в рэйнджеры. Предложили пойти в военную полицию служить, но это уже не армия, – приласкал я его самолюбие, усыпляя любопытство и подогревая хвастовство и гордость.

- Да, это уже не служба – за своими гоняться. Лучше уж гражданским аналитиком. А Маньячку здорово научил. Твой Вудсон, видать, из наших был!

Эуньки! Да, выходит «Маньячка» – это прозвище в отделении. Ай, да, Джинни.

Дальше уже пошел их профессиональный трёп, по ходу которого я понял, что Джин повезло с напарником, а мне повезло, что женат он был ещё до прихода в полицию, иначе, не видел бы я её, как своих ушей. Повезло ей ещё и в том, что он ни словом, ни полусловом, не то, что не винил её в своём состоянии, даже не вспоминал об этом и пресекал все попытки Джин заговорить об этом чёртовом задержании.

Зато дома она уже ожила и выставила меня из кухни, взявшись за готовку. Пришлось давиться, поскольку, как истинный коп, за нехваткой времени, Джинни не умела готовить от слова «совсем», но сама этого не замечала. Нет, я не говорю, что её еда никуда не годилась. К примеру, можно было бы использовать как оружие массового поражения. Впрочем, съесть я успел только один кусок, пока Джин вспоминала весёлые истории из их с напарником совместной службы, а потом кусок взяла и сама. Оставшийся пирог был бережно упакован в три слоя пищевой плёнки и отправлен в утилизатор, а еду заказали в ресторане. Кстати, ещё одна новая «привычка» с которой пришлось иногда мириться.

***

По стеклу барабанил сильный ливень, оповещая весь Нью-Йорк о первом дне моего долгожданного осеннего отпуска. На годовщину мы с Джин никуда не поехали, ограничившись ужином дома, и я надеялся компенсировать это, уехав на целый месяц из Штатов вдвоём на какой-нибудь остров в Индийском океане. Но отпуск постигла та же судьба, что и нашу годовщину – у детектива Борской на работе был очередной аврал, а у меня паршивое настроение, звуки дождя и неизменный Рихард Вагнер из колонок музыкального центра.

Мою дрёму прервал звонок сотового телефона. Дирекция бы мне звонить не стала – они уже однажды испытали на себе мой гнев и уяснили, что я работаю строго по часам, принося при этом прибыли больше, чем большинство их сотрудников, корпящих над данными по биржам круглые сутки. О, боги, сколько я уже видел распавшихся из-за этого семей. Даже, пару самоубийств видел. Клиенты? Тоже вряд ли. Каждому из них я позвонил ещё вчера и лично уведомил, что в течении следующего месяца я буду вне финансовой жизни большого бизнеса. Впрочем, среди клиентуры иногда попадались и такие, которые считали пару сотен тысяч долларов достаточным поводом для того, что

бы испортить себе день отпуска.

Я лениво поднялся из кресла и взял телефон. На экране светился номер Джин. А вот это было уже чем-то новеньким. Неужели, подписали рапорт на отпуск?

- Да, дорогая? – ответил я на звонок, даже не сразу сообразив, что отвечаю в сугубо американской манере.

- Подъедь. Срочно, – коротко сказала Джинни и продиктовала адрес.

Адрес был мне знаком – стройка, где чёрт сломит ногу, а я там несколько лет назад сломал пару шей. Собственно, я уже понял, что дорогая планирует поэксплуатировать меня в качестве эксперта, а это обозначает, что их коронер не уверен в причине смерти или же уверен, но не понимает, как это можно было сделать. В любом случае, выбор у меня был не слишком большой, поэтому, вяло отрапортовав «Есть, мэм», я оделся и спустился в гараж.

Приехав на место, я подошел к оградительной полицейской линии, где меня тут же остановил офицер, но подошедший капитан провёл меня к месту преступления, сказав, что я был приглашен в качестве внештатного консультанта.

Это была новость. Во-первых, я ожидал, что проведёт меня Джин. Во-вторых, что же тут произошло, если на месте преступления, под дождём мокнет начальник отделения полиции, да, не просто мокнет, а лазит в грязи наравне с остальными?

Подойдя к телу и приподняв покрывало, я всё понял. На мокрой глине в своём дорогом костюме лежал один из моих клиентов. Впрочем, на первый взгляд, это была единственная адекватная причина, по которой Джин могла меня позвать. Клиент был достаточно известным в узких кругах мафиози из крупной итальянской семьи. Или война банд, или проштрафился перед «своими». Казалось бы, всё просто.

И тут я увидел причину, по которой Джин проявила такую оперативность. На шее жертвы был след от растворяющейся иглы с синтетическим ядом. Сам яд уже не светило установить, а вот подтвердить догадку было можно.

- Вы знаете этого человека, мистер Норд? – спросил капитан.

Я отвлёкся от своих мыслей, но не совсем.

- Да, капитан. Это мой клиент. Вернее, он был моим клиентом. Я делал для его фирмы анализ интересующих его сфер международного рынка, – подтвердил я и

так известную ему информацию.

- Детектив Борская утверждает, что Вы занимались самообучением и можете дать несколько дельных советов там, где полицейский может что-то упустить. Не слишком то я верю в самоучек, но верю своим сотрудникам. Хотите осмотреться?

- Естественно, капитан, – я кивнул в знак благодарности и продолжил. – А ещё хотел бы, что бы при вскрытии эксперты поискали в крови остатки соединений на основе алюминия. Видите след на шее? Возможно, его отравили.

Отдаю должное капитану – не стал спрашивать, почему именно алюминий, а просто, внёс его в список для поиска.

Эксперты назвали время смерти от пяти до двух часов назад. Их я поправлять не стал, а Джин сказал, что период от пяти до четырёх часов назад – нет ни следов протекторов, ни следов самого убийцы или человека, притащившего сюда тело. Это обозначало, что принесли его ещё, когда было сухо, а дождь шел уже более трёх с половиной часов. Что мне не нравилось, так это то, что было использовано оружие, которое предполагает оставление тела там, где ты его поразил, а тело было, явно, перемещено сюда из другого места. Правда, вопрос в том, живым или мёртвым это тело перевезли. Зато, не вопрос, почему сюда. Это была территория мафиозной семьи покойного. Вывод? А вывод у нас пока такой – кто-то хочет начать войну банд в Нью-Йорке. Главный вопрос – зачем?

Наверное, у вас возник вопрос, какого дьявола Джин представила меня копам как самоучку-эксперта, а я не отбрыкался от этого? Да, такого, что косвенные признаки указывали на ликвидатора. Не мой уровень, конечно, тем не менее, выходит «ой». И моя основная задача состояла в том, что бы он попался не полиции и не мафии, а лично мне. Не приведи Господи, он тут по служебным делам, я бы оказался на грани катастрофы, вне зависимости от того, знает он о моём существовании или нет.

Вот из таких вот соображений, я и проторчал до поздней ночи в отделении полиции, наравне со всеми копаясь в огромной куче фотографий с места происшествия и ища что-то, что я мог упустить.

***

Несколько дней меня не отпускала мысль, что я, всё таки, что-то упустил на той стройке, а самым паршивым было то, что стадо экспертов, пронёсшееся там, как Мамай по Киевской Руси, не оставило от этого чего-то ни малейшего следа.

Джинни всё это время откровенно злилась за то, что у неё появилось немного времени, а я это самое время тратил на её же работу. Причём, злилась она, скорее, от того, что теперь на себе испытала причину моих недовольств. Ну, тут уж, как говорится, ничего не попишешь.

Наконец-то, после долгих размышлений, я сообразил, что я упустил. Вернее, даже не упустил, а не обратил должного внимания. Да, след был именно от специфической иголки из миниатюрного духового самострела, иногда, механического. А вот алюминий в крови был в виде оксида. Я искал русского, а работал американец. Это их яд. Следовательно, труп был подброшен, именно, как предупреждение о том, что итальянцы зарвались, пытаясь укрыть от покровителей большую часть прибыли. А раз так, то это дело спустят на тормозах в офисе окружного прокурора или устранят всех свидетелей, которых и так не было и не будет.

- Джин, а не дадут тебе это дело раскрыть… - пробубнил я себе под нос.

- А тебе дадут? – навострила ушки Джинни, рассчитывая на мою помощь, возможно, даже практическую в наказании виновных.

- А я самоустраняюсь. Вредно для здоровья, знаешь ли, когда прячешься, закусываться со спецслужбами страны пребывания. Это нацбезопасности ушки из-за угла торчат. Смирись. – всё тем же тоном выдал я ей расклад.

Джинни скривила мордашку, показывая всю нелицеприятность перспективы. По совести сказать, мне и самому было неприятно отступать, но тут уже включалась логика. Убитый кто? Бандит. Мне он кто? Да, мелочь – максимум, полмиллиона доходов в год. Не то у него было положение, что бы рассчитывать на мой праведный гнев и крестовый поход на его убийц.

Вечером, за чашечкой кофе в кафетерии, капитан так же не слишком обрадовался новости, но принял её как факт, когда я объяснил, что читал о подобном оружии, что следов у нас нет, нет подозреваемых, особенно тех, кого можно допросить, нет свидетелей, нет ничего. А что бы капитан поверил окончательно, я даже специально для него со смартфона вышел в интернет и нашел электронную версию статьи из журнала об оружии, где описывался придуманный тридцать лет назад прототип такого механического самострела и указывалось, что иглы содержат малый заряд синтетического яда, который распадается в организме минут за двадцать, не оставляя следов. О том, что где-то читал, но не помню где, об остатках в крови алюминия, я нагло соврал, но эту маленькую ложь капитан проверить бы не смог, учитывая, что я оговорился, будто читал об этом в интернете, а это не то, что не доказательство, а даже не

источник.

В общем, всё хорошо, что хорошо кончается. Неторопливо, в течение следующей недели, это дело глохло и переходило в разряд нераскрытых, а людей не заставляли корпеть над ним сутками. Увы, именно такова цена за «свободу и демократию». Впрочем, за диктатуру и любой другой режим такая же. Не зря в бывшем СССР ходили в среде уголовного розыска шутки «Раскрытие убийств мы довели до девяносто пяти процентов. Оставшиеся пять процентов совершены или ментами, или КГБ».

Хорошим окончанием это, правда, можно было назвать весьма условно, поскольку отпуска порезали всему отделению, и мне предстояло свой отпуск коротать в Нью-Йорке, занимаясь делами домашними. Иной раз казалось, что я превращаюсь в домохозяйку, заведя отношения, и даже хотелось куда-нибудь поехать, и кого-нибудь убить, что бы совсем не расклеиться. Впрочем, такие мысли приходилось отметать на корню.

В качестве компенсации за убитый отпуск, Джин записалась со мной на плавание. Правда, об этой идее я пожалел сразу же после первого занятия – все мужчины так пялились на неё в купальнике, что мне захотелось устроить небольшую кровавую баню прямо в бассейне. Саму же Джин такой лёгкий приступ ревности от души позабавил.

***

Анекдот помните, о том, как делает предложение узаконить отношения девушка?..

- Игорь, иди сюда, разговор есть.

Чуя подвох, я прошел на кухню, где Джин стояла со стаканом сока. Это вместо кофе то? И где сигарета?.. Ой-ёй… Кажется, я знаю, о чём разговор… Не то, что бы не рад был, но как-то страшно и неожиданно.

- Я так понял, курить мне теперь только на лоджии? – поинтересовался я, наливая себе виски.

- Скучно с тобой. А ещё ты нервный, – кивнула она на бокал. – Хотя, положено нервной быть мне.

Я вздохнул.

- Тебе рано ещё. И я уже подозреваю, какие меня ожидают капризы… - откровенно подшучивая, переварил я новость.

На следующий день я нагло взял на работе отгул и сел за штудирование литературы и для будущих папаш, и для будущих мамаш. Техника скоростного чтения помогала усвоить материал, а вот понять его – ни разу.

Ещё полдня я провёл в магазине, тщательно выбирая продукты, поскольку наша диета сейчас Джинни подходила мало. В общем, нормальное поведение для среднестатистического ответственного холостяка, который внезапно выяснил, что он не только больше не холостяк, но даже совсем наоборот. Хорошо ещё, что не побежал в какую-нибудь компанию дизайна интерьера, заказывать розовые обои.

За следующие несколько месяцев, я, напрочь, позабыл обо всём, кроме своей семьи. Новообретённое чувство присутствия самых близких людей отодвинуло на задний план любые дела и мысли. Я всё так же оставался успешным аналитиком, который советовал своим клиентам только беспроигрышные варианты, всё чаще бывал на работе у Джин, откуда вёз её домой. Один раз, когда задержанный заикнулся о том, что разделается с ней, едва не разорвал его голыми руками – дело копы замяли по-свойски. В общем, всё шло идеально, пока не началось это…

Мне стали сниться кошмары. Сначала раза три в неделю, а вскоре уже каждый раз, когда я пытался уснуть. Всегда один и тот же сюжет. Один и тот же.

Мне снилось, что я сижу у себя в офисе. Внезапно, звонит сотовый. В трубке перепуганный голос Джин.

- Они здесь! Они пришли за тобой!

Я срываюсь с места и еду домой. Ещё на подъезде к жилому комплексу, достаю из тайника в машине пистолет. У двери в подъезд несколько автоматчиков. Один из них замечает меня, и все они открывают огонь. Машина несётся под шквальным огнём, сбивая одного из автоматчиков и врываясь в ворота парковки, снеся шлагбаум. Я выскакиваю и добиваю оставшихся. Подхватываю автомат сбитого, меняю магазин и вбегаю в холл. Там стоит полдюжины бойцов, вооруженных автоматами и помповыми ружьями. Они пытаются в меня попасть и плотным огнём загоняют за колонну. Я едва успеваю перевести дыхание, когда рядом со мной падает граната. Привычным движением отбрасываю её обратно, уничтожая взрывом троих. Ещё двоих убиваю автоматной очередью, а последний бросается на меня. Рукопашная схватка. Он силён. Силён и умел. Но неопытен. Спустя почти минуту «танцев», мне удаётся его обмануть. С хрустом ломаются шейные позвонки. Я вскакиваю на ноги, хватаю оружие и несусь к лифту. Скоростной подъём длится целую вечность. Я рвусь вперёд, теряя всякую

осторожность. Джин стоит на коленях посреди комнаты. Ей в голову из ПМа целится неизвестный мне мужчина.

- Опоздал, предатель. У тебя нет права на счастье, – произносит он по-русски.

И Джинни убивают у меня на глазах…

Проснулся я от того, что Джин теребила меня за плечо. Как оказалось, я кричал во сне. Ещё хорошо, что, просто, кричал бессвязно, а не комментировал происходящее во сне.

Я посмотрел на Джинни и принял окончательное решение.

- Дорогая, мне надо уехать. Ничего не спрашивай. Буду через пару месяцев, возможно, раньше.

Отдышавшись, я стал собирать сумку. Утром сообщил на работу, что буду отсутствовать длительное время по неотложным семейным обстоятельствам.

***

Место: Подмосковье

Время: 56 дней с момента прилёта Игоря Мельникова в Москву

Я сидел в кресле и ждал. Ждал уже достаточно долго, что бы прокрутить в голове добрых три сотни способов, которыми я хотел бы убить этого человека. И ни один из этих способов гуманностью не отличался.

- Так вот, кто в Москве резню генералов устроил, – послышался кряхтящий голос.

Да уж, старик сдал. Даже на пороге смерти, он всё ещё был опасен для тысяч людей, но я его больше не боялся. Он был последним. Последней гранью, которая отделяла меня от жизни без страха.

- Так точно, товарищ генерал-полковник, – ответил я небрежно.

- И планируешь завершить начатое, – произнёс генерал утвердительным тоном, кивая на пистолет в моей руке.

Я даже ухмыльнулся. Ну, старик… Перед ним смерть во плоти, а он сохраняет такое хладнокровие, которому бы позавидовали бы все истинные арийцы вместе взятые.

- Сами учили, товарищ генерал – никогда не оставляй врагов за спиной.

Я жестом предложил ему присесть в кресло напротив. Ещё пару часов назад я обыскал всю дачу и забрал из всех тайников оружие. Генерал об этом тоже знал и даже не пытался прощупать тайник в кресле, где лежал его ТТ.

- А я ведь тебе не враг, Игорёк. Более того, я всегда тебе симпатизировал.

Я чуть не рассмеялся. Ещё бы, блин, сказал, что я ему всегда как сын был.

- Полно те Вам, товарищ генерал. Мы оба знаем, что я с теми документами подписал себе приговор.

Старик закашлялся, пытаясь рассмеяться.

- Тебе никто не говорил, что с тобой скучно? Думаю, говорили. И поэтому ты здесь, – он снова прокашлялся. – Ты изменился. Раньше тебе нравилась наша игра в кошки-мышки, когда ты не слишком убегал, а мы не очень искали.

Ну, вот. Теперь он Джин цитировать удумал? Ха…

- Раньше я мог удрать от вас в любой момент. Я был и остаюсь, если не лучшим, то одним из лучших.

В этот раз у старика рассмеяться вышло.

- Раньше мог удрать. А теперь что? – он лукаво улыбнулся. – А теперь пелёнки-распашонки в Южной Корее.

Настала моя очередь улыбаться. Ехидно так улыбаться.

- Неужели, провёл старика? – искренне расстроился генерал.

- Провёл, товарищ генерал. Да, это уже и не важно, где я осел. А с пелёнками вы угадали, если откровенно.

Даже не знаю, почему меня потянуло на откровенность с человеком, который лично был ответственным за превращение меня из человека в машину для убийств.

- Обижаешь, Игорёк. Я ведь не гадал, – заговорил старик знакомым наставническим тоном. – Просто, ты из тех, кто идёт на крайние мере только ради близких. Твой крёстный в защите не нуждается. Остаётся женщина. Женщину ты и так можешь защитить. Значит, речь о том, что ты боишься однажды не успеть.

Да уж. Как всегда, старик бьёт не в бровь, так в глаз. И крыть нечем.

О дяде Саше он прав. Хотел его попросить подсобить в моей маленькое вендетте, да, как оказалось, он собрал группу «афганцев», из числа своих сослуживцев, и махнул в одну горячую точку, воевать не за страх, а за совесть, да, за русских людей. Поехать помочь, желания не возникло, ибо, как генерал правильно заметил, полковник Вознесенский в защите не нуждался – от него бы кто защитил.

- А я ведь тебя ждал, Игорёк…

Это ещё что за новость? Вот это на старика похоже не было.

- Так таки и ждали? – прокомментировал я его передвижение к сейфу и покрепче сжал рукоять пистолета.

Даже, если он решит сглупить, то лишь ускорит весь процесс – я быстрее.

Но в руках у генерала оказалось не оружие, а солидных размеров резная деревянная шкатулка. Когда он её открыл, у меня встал ком в горле.

- Ждал, Игорёк, ждал…

В шкатулке лежали награды. Мои награды… Старик, действительно, знал, что я приду за ним. Не мог знать точно когда, но знал, что приду. Он единственный, кто понимал из всего этого генералитета, что приговор подписан им, а не мне. Он знал меня лучше, чем я сам.

- Товарищ генерал, а по-честному, если бы я попался в одну из Ваших ловушек?.. – мне стало интересно.

Старик тоже хитрить не стал и вернулся в своё обычное состояние вершителя судеб.

- Ты бы меня тогда сильно разочаровал, Игорёк, а такие, сам знаешь, живут недолго и печально, – он внимательно посмотрел на меня. – Но ты же не попался. Так что, не тяни, майор.

Меня пронзила догадка.

- Давно диагноз поставили?

Старик криво усмехнулся.

- В том то и дело, что не поставили. Неизвестная болезнь. Смертельная. Точно не рак, а что – они не знают. Хотят изучить до конца… - генерал скривился от злости. – А знали бы, мерзавцы, как это больно, всякое желание отпало бы.

Я кивнул.

- Передать кому что, товарищ генерал?

Он засмеялся так же гулко, как я помнил ещё с тех времён, когда меня завербовали.

- А ты уже передал всем всё, что они заслужили, а я хотел передать. Тебе то самому, ничего, случаем, не надо?

Я покачал головой. А что мне надо было? Своё имя мне было не вернуть. Семья ждала меня в Нью-Йорке. Денег было только чуть-чуть меньше, чем «слишком много».

Хлопок АПБ завершил наш разговор. Я специально сделал это внезапно, что бы генерал получил то, чего и хотел – абсолютно безболезненную смерть. Ну, а я получил право жить долго и счастливо, зная, что, кроме дяди Саши не осталось ни одного живого человека, который бы знал, что Игорь Мельников жив. Джинни не считалась, ибо я – это она, а она – это я.

***

Нью-Йорк прекрасен. В этот раз, я убедился в истинности данного утверждения, стоя у ограды на Острове Свободы, куда приехал с семьёй на экскурсию. Меня зовут Алекс Норд. Рядом со мной идёт Дженнифер Норд – моя жена и бывший детектив полиции Нью-Йорка, а по другую руку идёт Джеймс Норд – мой сын. Впрочем, пока ему много ходить тяжело, поэтому я беру его на руки.

Да. Меня зовут Алекс Норд и я не хочу другого имени. Но если кто-то будет представлять угрозу моей семье, то этот суицидник обязательно узнает, что майор Мельников Игорь Валерьевич всё ещё жив.